

Когда другие дети возились в грязи, он растирал тушь. Когда они ловили рыбу и креветок, он выводил иероглифы. Когда подростки лазали по деревьям и дразнили птиц, он заучивал тексты наизусть. Все труды должны быть вознаграждены — с этой верой он, преодолев тысячи трудностей, явился в экзаменационный зал, чтобы сдать испытание и получить учёную степень. Но экзаменатор сказал:

— По поговорке, внешность отражает душу. У тебя вид жалкий и воровской, значит, мошенничал.

Он громко возражал:

— Не мошенничал!

Но все ученики вокруг лишь подначивали и глумились.

Чему они смеялись? Тому, что лицо у него было неказистое, а амбиции — большие.

Что толку в красивом почерке, если рожа крива? Три года назад Жун Лин опрокинул все свои каллиграфические труды, швырнул их в разгорающийся костёр. Пламя, взметнувшееся к небу, словно людоед, пожирало не только исписанные ночами листы прописи и сборники стихов, но и многолетние надежды и веру.

Палящее солнце едва не лишило его чувств, когда над головой раскрылся розовый бумажный зонтик. Женщина с чистым, незаурядным лицом склонилась к нему и с голосом, звонким, как пение иволги, промолвила:

— Такие красивые иероглифы сжигать — какое расточительство.

Одной рукой она держала зонтик, в другой был лист с надписью «Благородный муж». Эти два иероглифа казались ему теперь горькой насмешкой.

— Бесплезные вещи, сжечь — и дело с концом, — таков был его ответ тогда.

Женщина сказала:

— Когда Небо возлагает на человека великую миссию, оно сначала испытывает его сердце, изнуряет плоть, морит голодом, лишает всего, сбивает с пути, дабы закалить его характер и восполнить то, чего ему недостаёт. Господин — человек великих устремлений, и однажды вы станете подобны Шуню, Фу Юэ, Цзяо Гэ, Гуань Иу, Сунь Шуао и Бай Ли Си — героями, чьи имена прогремит по всей Поднебесной.

Несколько прядей её волос мягко колыхались на ветру. Летний зной стоял нестерпимый, но мрак в сердце Жун Лина понемногу рассеивался. Он спросил:

— А вы знаете, кто я?

Пойманного на месте на государственных экзаменах и выдворенного экзаменатором, хоть и лишили права сдавать на три года, в сердцах людей уже пригвоздили к позорному столбу.

Пожалуй, во всей столице не было никого, кто бы не знал, как прославился талантливый Жун Лин.

Женщина серьёзно кивнула:

— Знаю. Вы — Жун Лин.

Жун Лин вздрогнул всем телом и глухо пробормотал:

— Вы меня знаете?

Улыбка её была чиста, как летний лотос, что растёт из ила, но им не запачкается. Она вновь подняла лист, иероглифы «Благородный муж» затрепетали на ветру.

— Смысл благородного мужа не в том, что о нём говорят другие, а в том, что он делает сам, — сказала она и сунула лист в свой лиловый рукав с облачным узором. Отступив на два шага, добавила:

— Я подожду того дня, когда вы добьётесь славы и успеха, и этот лист с «Благородным мужем» будет стоять целое состояние. — Лукаво подмигнула:

— Тогда продадим и поделим пополам, хорошо?

Женщина спокойно повернулась и ушла. Даже не оглянувшись, она оставила после себя прекрасный, безмолвный образ, что на три года поселился в сердце Жун Лина.

Образ той прекрасной женщины три года назад и сегодняшний безучастный облик Чай Цзыжана наложились друг на друга. Жун Лин в темноте сжал кулаки. Он знал, что Чай Яньжань, хоть и была дочерью от наложницы, не была для него недосыгаема, но ведь в доме маркиза Синьу главенствовал незаконнорожденный сын. Чай Яньжань, хоть и была предметом пересудов, являлась родной сестрой маркиза Синьу, и кого бы она ни взяла в мужа в будущем, тот непременно был бы богат и знатен. Сам же Жун Лин происходил из бедной семьи, и ни внешностью, ни положением похвастаться не мог.

Вечерний весенний ветерок был прохладен, но Жун Лин, стоя на меже рисового поля, чувствовал озноб. Подняв глаза к бесчисленным звёздам, он ощутил в сердце бескрайнюю тоску. Лишь ночью никто не замечал его лица и не называл первым уродцем среди талантов Поднебесной.

— Господин Жун Лин.

В тусклом свете фонаря вырисовалась стройная тень. Она улыбнулась сладко:

— Идёмте ужинать.

Жун Лин, продрогший до костей, мгновенно ощутил, как по жилам разливается горячая кровь, и простодушно кивнул:

— Хорошо.

Из-за спины Чай Яньжань вынырнула голова Чай Цзыжана:

— У господина Жун Лина, видно, времени свободного много! Целый день на ростки любовался, а помочь с готовкой — не удосужился.

— Ажань, — слегка пожурив Чай Яньжань. — Овощи на столе — это господин Жун Лин вырастил, он уже огромную помощь оказал.

— О? — удивился Чай Цзыжань. — Неудивительно, что вид у них такой убогий.

— Ажань, не говори вздора.

Жун Лин промолвил:

— Господин Цзыжань не врёт, опыта мне ещё не хватает, овощи и впрямь вышли неказистые. Завтра у местных жителей поучусь, постараюсь, чтоб красивее росли.

Чай Яньжань фыркнула со смехом, старый фонарь в её руке замигал, словно светлячок:

— Овощи ведь для еды, зачем им красивыми быть? Пошли назад! — Чай Яньжань пошла вперёд, освещая фонарём узкую тропинку.

Чай Цзыжань сказал:

— Это блюдо из зелени сестра специально для тебя приготовила. Вид, может, и не очень, но старалась от души. Вернёшься — съешь всё до последнего листочка.

— Ажань... — Чай Яньжань оглянулась на него. — Перестань говорить чепуху.

И без того беспокойное сердце Жун Лина взволновали новые перемены:

— Съем. Непременно всё дочищу съем, ни листочка не оставлю.

Чай Яньжань помолчала немного, затем сказала:

— Не заставляйте себя.

Всего четыре слова, но они словно тёплый ветерок проникли в самую глубь сердца Жун Лина. Он почувствовал себя лёгким, словно белое гусиное перо, парящим в воздухе.

Пятый лагерь представлял собой скопление наскоро сколоченных хижин — место большое, людей много, похоже на временное пристанище для беженцев. У каждого входа лежала куча хвороста для освещения, а такая обычная вещь, как фонарь, казалась здесь роскошью. Чай Яньжань, одетая в грубую холщовую одежду, всё же не могла скрыть своей прекрасной внешности. Шла она с потрёпанным фонарём, словно нисходящая с высот богиня, которую можно лишь созерцать издали, не смея осквернить.

Хижина, где жили Жун Лин и Чай Яньжань, была не самой большой, но у входа лежала самая большая куча хвороста, освещая несколько соседних жилищ. Босоногий Редечка подбежал, запыхавшись, облизнул губы и сказал:

— Братец Жун Лин, уже можно кушать?

Чай Цзыжань наклонился, ущипнул его за щёчку:

— Ты всегда как по часам.

Редечка осклабился:

— Я проголодался. — Похлопал себя по животу, с важным видом добавив:

— Чтобы вырасти, нужно кушать.

Чай Яньжань уже приготовила ужин в хижине. Стола внутри не было, просто на полу

расстелили циновку, заменявшую трапезный стол. На циновке стояла простая пища простого люда. Сегодня же, в честь приезда Чай Цзыжаня, Чай Яньжань попросила соседей-разбойников нарезать курицу.

Чай Цзыжань, которого негодяй Суй Фэн укачал так, что всё обеденное вывернуло наружу, давно проголодался. Взял грубо сработанные палочки и без церемоний выхватил куриную ножку, принявшись уплетать её с белым рисом, глаза же при этом приковал к стоявшему посередине блюду с пожелтевшей, позеленевшей и почерневшей капустой, подгоняя Жун Лина:

— Братец Жун, да ешь же ты поживее.

Редечка, как коренной малый разбойник, церемоний не соблюдал, потянулся рукой за явно неудачным экземпляром капусты, но Чай Цзыжань ударил его палочками по руке, и она упала обратно в миску.

Редечка уставился на него:

— Ты чего?

Чай Цзыжань уставился в ответ:

— Ты, сопляк, какую капусту? Жри рис. — Сказав так, отщипнул немного своего риса в миску Редечки и велел ему есть побыстрее.

Редечка нехотя, но покорно принялся за рис. Чай Цзыжань с улыбкой поглядел на Жун Лина, подтолкнул пальцами блюдо с капустой к нему и ласково промолвил:

— Взрослым рост не нужен, ешь капусту.

Жун Лин, не колеблясь, вывалил всю капусту себе в миску и, глядя на выросшую перед ним гору зелени с рисом, расплылся в широкой улыбке:

— Благодарю, госпожа Яньжань.

Горло у Чай Яньжань сжалось:

— Господин Жун Лин, не нужно...

— Ой-ой-ой... — Снаружи хижины, не отличавшейся звукоизоляцией, донёлся крик, и несколько искр выпорхнуло из кострища.

Чай Цзыжань, глядя на гору капусты в миске Жун Лина, усмехнулся зловеще:

— Господину Жун Лину какое дело до этих отбросов? Ешьте лучше.

Чай Яньжань нахмурилась, почуяв в его словах подвох, и тревожно спросила:

— Ажань, что-то случилось?

Внезапно снаружи слышались новые, странные крики боли, и сердце её ёкнуло.

Чай Цзыжань, уплетая рис, ответил:

— Это у господина Жун Лина спросите.

Чай Яньжань с недоумением посмотрела на Жун Лина:

— Господин Жун Лин? Это...

<http://bllate.org/book/15931/1424004>